

*Бахытжан**Канакьянов*

ПРОГУЛКА ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

К 90-летию Е.А. Букетова

I

Предрасветные сумерки проступали в проемах между низких туч, которые ключьями уходящей ночи плыли, подгоняемые ненастным ветром над этим шахтерским городом.

Пес, легкой трусцой семенивший впереди хозяина, что-то вынюхивал среди почерневшего снега, выпавшего на прошлой неделе. Пес давно уже на себе познал этот ежедневный маршрут хозяина, ранним утром, когда домашние еще спали, он тихо скребся в его кабинет и затем нетерпеливо ждал, чтобы вместе с ним выйти в подъезд и вдохнуть тишайший ночной воздух, выбегая на всю длину поводка, конец которого хозяин крепко натягивал на руку.

Хозяин любил эти ранние прогулки, когда город еще погружен в сладкие предутренние сны и не вышли из депо и парка первые автобусы и троллейбусы, когда было пустынно на перекрестках и остановках, но уже гасли ночные фонари, уступая свой неоновый свет живым проблескам наступающего утра.

Эти ранние прогулки он полюбил не сразу, не после первого инфаркта, когда врачи настоятельно прописали ему гулять, и подолгу, в ранние эти часы. А затем втянулся, ибо очень хорошо думалось и размышлялось именно в такие моменты, никто, кроме пса, его не отвлекал, да и тот был занят только собой, вынюхивая что-то на тротуарной тропе.

Он не раз прокручивал, словно бы магнитофонную ленту памяти, тот или иной эпизод своей жизни, насыщенной событиями, успехами и неудачами. И ему было грех жаловаться на память, она сохраняла в своих потайных уголках даже самую малость из увиденного и пережитого. От самого раннего детства, проведенного в далеком степном ауле, до учебы в школе-интернате, расположенном в районном центре, от первых стихов и прозаических зарисовок, опубликованных в областной газете, до студенческих лет и аспирантуры в Алма-Ате и защиты научных трудов в Белокаменной.

Родился он в ауле Баганаты, что на севере Казахстана. В начале тридцатых годов, когда после джута был голод, а затем началась коллективизация, многие его родичи вместе с другими аулами подались в Россию – Тюмень, Курган, Омск и в Барнаул, на Алтай. И тем самым спаслись от неминуемой гибели в степи. Так он ребенком оказался в Макушинском районе Курганской области, где и пошел в казахско-русскую школу, а там многие учителя были из первых казахских интеллигентов, еще с предреволюционного периода. Многие из них попали в петлю

репрессий в конце тридцатых годов. А он, совмещая учебу в школе с работой в колхозе, закончил ее с отличием в конце войны и был даже оставлен в ней учителем казахской литературы, когда уже в Северо-Казахстанской области учился в селе Марьевка, а затем в Ольгинке. Ради этого он прошел в областном центре краткосрочные учительские курсы. Таких областных казахских школ было несколько, из них наиболее известная в Черлаке Омской области.

Однажды пожилой директор школы, знавший еще с далеких двадцатых годов талантливых учителей-писателей Спандияра Кубеева, Сабита Донентаева, Биляла и Галыма Малдыбаевых, почувствовал его юношескую тягу к сочинительству и сердечно настоял на его поступлении в столичный университет на филфак. Вот так и отправился с рекомендательным письмом уважаемого директора, старого учителя казахского языка и литературы, в Алма-Ату, чтобы уже студентом окунуться в писательскую среду и публиковаться в литературных газетах и журналах. Однако случайная встреча со своим земляком-аульчанином, который учился в горно-металлургическом институте, полностью разрушила эти тщеславные планы – стать писателем. Земляк убеждал, что ныне грядет эпоха инженеров, геологов, ученых-металлургов и химиков. А писательство никуда не денется, и на него, на писателя, нигде не учат, ибо все это дано от природы, можно сказать, от Всевышнего, если он есть на том и этом свете, если он дунул тебе в затылок, если есть эта самая божья искра, то ты можешь творить и в ранге инженера-металлурга, на которого действительно учат и такие корифеи науки, как Каныш Сатпаев, профессора и академики Аветисян, Байконыров, Пономарев...

Так он стал студентом горно-металлургического института, а затем и аспирантом, молодым ученым-металлургом. Но литературное творчество не бросал, а наоборот, отвлекаясь на время от написания научных статей металлургического процесса извлечения селена или теллура, он с большим удовольствием писал очерки и рассказы, переводил некоторые стихи Сергея Есенина и Владимира Маяковского, и эти литературные вещи зачастую публиковались в периодической печати, появились и гонорары, которые помогали ему сносно жить и дерзать в науке...

Где он сейчас, этот пылкий земляк, который круто изменил его судьбу? – подумал он, держа на длинном поводке пса, спешащего в сторону темнеющего парка, – после защиты кандидатской работал в одном из научных институтов, затем развелся с женой, уехал на Балхаш, потом в Восточный Казахстан, там и, быть может, сгинул, как многие из его современников, одержимых небесным огнем молодости и сникших после сорока. Трижды прав Абай в своих бессмертных стихах, когда пишет о пылкости молодости и грядущем одиночестве:

В те дни у тебя юных лет огонь
В душе пламенел, был отважен взгляд.
Желаний твоих быстроногий конь
Скакал, не боясь никаких преград.¹

И опять же, у того же Абая:

Кого любило сердце это –
Ушли, кто в землю, кто в разлад:
Те делят власть, в том спесь задела,
Один – куда ни брошу взгляд.

Несчастный, с сердцем полным боли,
Оборотись, поговорим –
Открыт твоей я горькой доле
Всем сердцем раненым моим.²

Он глубоко вздохнул и побрел за своим верным псом, который легким шагом трусил впереди него на расстоянии ремня-поводка, один конец которого он крепко держал, намотав на руку, а другой был пристегнут к ошейнику.

Он сел на скамью, отпустив пса порезвиться в пустынном парке. Собака, почувя свободу, умчалась вглубь аллеи, затем вернулась и стала бегать от дерева к дереву, находясь вблизи хозяина.

Он почувствовал, что кольнуло в левом боку. Вздохнув, машинально стал искать валидол, который в последнее время всегда был в кармане, а когда уезжал в командировки, то брал с собой и таблетки нитроглицерина.

«Что-то опять неладно, опять барахлишь, к чему бы...» – потирая ладонью левую грудь, мысленно промолвил он.

II

Во время учебы в институте он познакомился с одним жигитом, тридцатилетним парнем, который к тому времени закончил филфак университета и работал учителем русского языка в одной из столичных школ. Звали его Сейльбек. Он был на фронте, а затем, после войны, приехал так же, как и он, в Алма-Ату на учебу.

Роста был высокого, внешне чем-то похож на Мао Дзэдуна, чей портрет в то время часто мелькал в московских газетах. Да, пели тогда все они, молодые парни Страны Советов и Китая, песню «Москва – Пекин». Сейльбека за его довольно длинную шею, которая проступала и тянулась из еще военной шинели, он прозвал «Туйе мойын» – «Верблюжья шея». А затем, с годами, эти военные кители, перекроенные японские френчи и шинели сменились на шевиотовые и бостоновые двубортные костюмы, приобретенные на гонорарные деньги в базарный день, и даже на модные тогда китайские макинтоши с фетровой шляпой в придачу.

Они подружились именно в период, когда снимали вдвоем комнату вблизи Никольского базара, узнав, что родом из одних мест, Кзыл Жара и Коскуля. Отец

¹ Перевод М. Касаткина.

² Перевод В. Антонова.

Сейльбека, рослый аксакал Хамит, когда-то, в те самые голодные годы, вывез весь аул в Тюмень и тем самым спас родных и близких от вымирания. А род их был славным, Косцигул-Ораз, из Коскуля, откуда родом и сам Акан-сери, да еще около сорока известных степному северу людей – Еркокше, Еркосай, Бузаубас Макан, Ешкибас Мукан, Шырылдак Жантай, Мамбетали Сердалин-Шобеков... «Қырық қалпақ» звались они, то есть «сорок колпаков», ибо все были людьми образованными и потому носили шляпы.

А Хамит-аксакал как раз в те годы написал свои воспоминания о великом певце-композиторе Акан-сери, с которым не раз встречался и был в близком родстве. А затем отдал эту рукопись своему старшему сыну Сейльбеку, чтобы он передал родным по их общему аулу Коскуль драматургу Шахмету Кусаинову или известному поэту Абдильде Тажибаеву, который был женат на красавице Саре, родной сестре Шахмета.

Интересно знать, – подумал он, – какова судьба этих воспоминаний. «Туйе мойын» однажды сказал, что они вроде бы вышли небольшой брошюрой и что писатель Сакен Жунусов, когда писал диологию «Акан-сери», использовал по творческому назначению эти воспоминания Хамита-аксакала при воплощении образа великого акына и композитора.

Вообще, уверен и убежден, что только казахская народная музыка, включая песни и кюи, да казахский фольклор, эпос, дастаны, сказки и предания не подвластны ни времени, ни диктату политического строя. Они бессмертны, также бессмертны, как и сама память народа. Один только «Караторгай» чего стоит! И ведь запрещали, и не раз, и эти песни «Елимай», «Еки жирен», и целые эпосы. Ничего из этого не вышло, народ все равно сохранил их в своей памяти, и пел, и читал, пусть тайком, не в открытую, но сохранил все это во имя своих детей и потомков.

«Елимай» считают народной, но один из вариантов этой песни-плача принадлежит знаменитому Кожаберген-жырау, учителю самого Бухар-жырау, и был он в свите великого Аль Тауке... Да-а, даже время бессильно перед многовековой памятью народа!..

А в те веселые годы, веселые в силу их молодости, Сейльбек, который прекрасно знал и русский и, разумеется, казахский языки, и он, тогда молодой ученый-металлург, вдвоем брали в издательстве переводы и переводили, сидя ночами за одним столом, устраивали своеобразные состязания, кто быстрее и у кого лучше получится. Он тогда и сам не заметил, что в силу внезапного вдохновения перевел поэмы Сергея Есенина «Анна Снегина» и Владимира Маяковского «Хорошо!», а Сейльбек был и за редактора и делал своеобразный сравнительный анализ, сверяя перевод с оригиналом, и даже вместе, как говорится, на двоих перевели большой роман Ивана Вазова «Под игом». И на полученный гонорар Сейльбек справил свадьбу, женившись на выпускнице медицинского института Кларе, дочери директора издательства Галыма Ахмедова, благодаря этим самым прекрасным переводам с русского на казахский они и познакомились с ней, и ему поручили быть тамадой на этой свадьбе, с этой ролью он справился и был от всей души и сердца рад за друга, что тот нашел свое счастье в жизни.

Вот так, в те самые молодые годы, они стали профессиональными переводчиками, и спустя годы их приняли в Союз писателей СССР. Он по себе и по своей нелегкой писательской доле понял и познал этот тяжелый изнуряющий труд писателя и переводчика. Кажется, у Юрия Казакова он недавно прочел, что пи-

сатель должен быть мужественным, что жизнь его тяжела, что ему никто никогда не поможет, не возьмет ручку или машинку, не напишет за него, не покажет, как надо писать. Это он должен сам. И если он сам не может, значит, все пропало – он не писатель. У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь, как нет ее ни у кого в отдельности. Но у тебя есть твоя правда и твое слово. И ты должен быть трижды мужественен, чтобы, несмотря на все свои несчастья, неудачи и срывы, все-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь станет лучше...

И в последующие годы, когда брался за прозу, именно из своей жизни, ибо писатель имеет только один-единственный отсчет – им самим прожитая жизнь, и когда в своих монографиях описывал с присущей ему новизной изложения технологические процессы цветной металлургии, он всегда следовал этому – самоотверженно и мужественно отстаивать свои принципы писателя и ученого.

Собаке, видимо, надоело одной блуждать среди деревьев парка, на чернеющих ветвях которых восседали вороны, изредка карканьем напоминая о себе, она, виляя хвостом, приблизилась к своему хозяину и села рядом на задние лапы в еще незамерзший снег.

III

Ему никогда не забыть шестидесятый год, тот самый знаменательный год, когда Каныш Имантаевич Сатпаев, будучи Президентом Академии наук, поверил в него, молодого ученого, и доверил пост организатора науки в Караганде, а через несколько лет за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате он был удостоен Государственной премии СССР.

Имея около сотни авторских свидетельств страны и зарубежных патентов, он не замыкался в кабинетной или лабораторной тиши, всегда стремился на производство, где на практике не раз проверялись эти теоретические выкладки. Друзья и коллеги нарекли его романтиком химической металлургии. А что?.. Он и был, и остается романтиком – и в науке, и в жизни, и по судьбе, ибо всегда считал, что только они, которые, так сказать, не от мира сего, могут дерзать во имя новизны в научном деле, а не повторять битые-избитые истины.

Да, в науке ему и его ученикам есть чем гордиться. Он всегда с шутливой иронией говорил, что ученый подобно скульптору отсекает все лишнее из так называемого гранита науки. И находит то сугубо научное соответствие, которое издавна существует в самой природе минерального сырья и химических соединений. А в литературе важен даже не сам описываемый предмет, но гармония оттенков смысла, нюансы детали или же факта, и все это в разумных соответствиях с присущим психологизмом должно подаваться читателю, чтобы вникал он не по диагонали текста, а всей тканью самого повествования. В науке у него, действительно, были успехи, и немалые, – от тридцати до сорока лет стал кандидатом и доктором технических наук, профессором и академиком в неполные пятьдесят. Истинные друзья искренне поздравляли, а недруги... Кстати, они тоже поздравляли, но при этом не смогли скрыть свои завистливые нотки в голосе и лицемерные взгляды. Ну, недруги и завистники были всегда и везде, а с коллегами и с курдасами-друзьями в те звездные годы он всегда был вместе, делил с ними хлеб-соль банкетов и торжеств, печаль и горечь утрат и потерь.

Он считал великим романтиком от науки Дмитрия Менделеева. Ему и посвятил первый очерк, свое литературное эссе.

А разве не романтик в недавнем прошлом пожилой доцент Николай Скопин, над которым посмеивались многие его коллеги-зоологи. Видите ли, занимается какими-то насекомыми, жесткокрылыми жуками. Он при беседе с ним понял и убедился, как широко смотрит этот бескорыстный рыцарь науки, умело связывая существование этих жучков с общими экологическими проблемами Центрального Казахстана, убедился, что жучки эти нужны и даже необходимы науке о земледелии. Убедился и помог, чем мог, чтобы скромный, интеллигентнейший Николай Скопин на склоне лет защитил докторскую диссертацию и возглавил кафедру в его университете.

Он всей душой и сердцем воспринял прилив своей второй молодости, когда его назначили ректором Карагандинского университета, второго в истории Казахстана. Дни и ночи напролет пропадал на территории университетского городка, который строился, обживался новыми учебными корпусами, лабораториями и общежитиями. Через своих коллег и московских друзей в буквальном смысле пробивал для своего детища оборудование, оснащал ими лекционные аудитории и исследовательские центры университета. Любил бывать среди студентов, чей искрометный юмор и смекалка помогали им и ему переносить временные неудобства в период становления этого учебного заведения.

Он помнит и тот небывалый триумф, когда по его инициативе проходило в Караганде всесоюзное совещание химиков. Тогда впервые и озвучил метод получения искусственной нефти из высокозольного угля и воды с применением ферросплавов. И веско заметил, что и нефть в своих природных запасах не вечна. Пройдут десятилетия, и нам, ученым, придется, увы, заниматься разработкой искусственной нефти...

IV

Здесь однажды и встретил он в студенческом сквере скулящего щенка, который сиротливо прижался к стволу березы и жалобно смотрел на мелькающий перед его испуганными глазами студенческий мир. Он взял в руки этот комочек живого существа. Щенок, чуть поскулив, затих в его теплых ладонях. Затем в своем кабинете попросил секретаршу, чтобы она помыла щенка, завернула в какую-нибудь теплую ткань и напоила молоком из буфета.

С тех самых пор, как он привез его вечером домой и приготовил что-то в виде уютного лежбища в углу коридора, этот щенок стал равноправным жильцом его большой академической квартиры.

Домашние в первые дни ворчали, но потом и они привыкли к этому щенку, который спустя время вырос в большого пса, правда, неизвестно какой породы, хотя внешне чем-то напоминал овчарку. Он, выводя каждый вечер его на прогулку, даже однажды поинтересовался у знакомых кинологов, есть ли в его мифической родословной кто-либо из знатных, а может быть, состоит этот пес в родстве со знаменитыми чабанскими тобетами или тазами, виды которых он не раз встречал на далеких чабанских отгонах. Но, увы, ничего определенного не смогли сказать эти самые специалисты по собачьему делу. Снисходительно осмотрев ставшего родным для него выросшего пса, они вынесли свой вердикт – собака как со-

бака, без особых примет и родовых знаков. Одним словом, дворняга. Но какие преданные и просящие сытную косточку были глаза этого пса. И он словно бы в ответ на его природную привязчивость тоже сблизился с ним, даже вел с ним снисходительные беседы, размышляя вслух о проблемах и неурядицах в научной среде и в его окружении, которые особенно участились за последний период. И нарек его коротким именем «Дос».

Дос порою требовал к себе особого внимания, и когда оно выполнялось, он умиротворенно ложился на подстилку в углу коридора у кабинета, где его хозяин углублялся в свои бумаги и записи. А когда возвращался из дальней командировки, то, еще подъезжая к дому, он слышал, как из верхнего окна квартиры уже доносился радостный собачий визг и возбужденный лай. И как только открывалась входная дверь, пес валил его с ног, радостно урча, облизывал своего хозяина, которого очень и очень долго не было, так долго, что он, его верный пес, даже подзабыл, как пахнут его руки, что всегда гладили его по шерсти – утром и вечером. Он своим повизгиванием как бы жаловался, что в его отсутствие он забыл, что такое вечерняя прогулка, – без тебя твои домашние совсем забыли обо мне, твоим верном псе.

А хозяин, в блаженной позе, смотрел, как его домашние разбирают чемодан с подарками, лежал и думал – кто настоящий друг в этом подлунном мире?..

Однажды в Шетском районе вблизи горы Толагай, где находятся могильники эпохи бронзы и курганы сакского периода, он на одной из чабанских зимовок впервые увидел тобета – знаменитого казахского пса-волкодава, посланца небес, который из века в век помогает охранять табуны лошадей и отары овец. И по росту и по стати тобеты где-то схожи с одной из разновидностей кавказской овчарки. История возникновения этой породы уходит глубинными корнями в самую древность, в добиблейские времена царства Урарту, аж в седьмой век до нашей эры. Они были известны и в Персии, и на Тибете, и здесь, на просторах Центральной Азии. Об этой породе казахских собак писал еще Марко Поло в XIII веке, сравнивая их рост с годовалым теленком. Отрезанные с рождения уши и хвост придают этому небесному псу-тобету своеобразную гордую статью и осанку.

Тогда он и заметил, что тобет никогда не плетется вслед за пастухом, сидящем на коне, а всегда находится сбоку, рядом с ним, словно бы на равных охраняет и пасет табун. Тогда же он узнал, что тобета никогда не держат дома и на привязи. Эта главная заповедь, идущая из глубины веков. А не нарушает ли он эту самую заповедь, хотя его Дос далеко не тобет, но все же?..

V

Странно, что он всегда терялся даже в небольшом, смешанном лесу. Хотя его родной аул Баганаты располагался именно в такой местности, где березовые колки и перелески чередовались полянами и равнинами. Здесь ему хорошо дышалось, ну, на родине всегда дышится хорошо. Дым Отечества вбирал в себя и ничем не сравнимый запах сур-ета³, который коптят только на березовом дыму. Понимая особый толк в национальной кухне, тем не менее он питался по утрам только творогом со сметаной, да стакан некрепкого чая, вот и весь завтрак академика.

³ Копченое мясо.

Утренние прогулки начинались, когда светили еще ночные звезды. Он хорошо ориентировался в звездном небе согласно народной космогонии. Это вошло в его память еще с далекого аульного детства, когда не раз был в ночном, и старшие жигиты учили его не потеряться в степи по звездам. Вот и утренняя звезда Шолпан-Венера начинает светить ярче других звезд, но и она вскоре исчезнет в этом бездонном небесном пространстве...

Да, через год-два юбилей великого Чокана. Сто пятьдесят лет! Но пройдет еще немало десятков лет, а феномен этого тридцатилетнего ученого, ориенталиста, путешественника, тюрколога, языковеда, писателя, поэта и переводчика не раз еще будет привлекать общественный и научный мир. Загадка его гениальности, быть может, в том, что в двенадцать лет отроду, не зная ни единого слова по-русски, он через пятнадцать лет встанет в один ряд с самыми просвещенными умами России-матушки. Это предвидели и Достоевский, и Чернышевский, и Аполлон Майков, и молодой тогда, будущий ректор Петербургского университета Андрей Бекетов... А ехал юный Чокан в Омский кадетский корпус в 1847 году и неустанно повторял, твердил про себя, чей он сын, внук и правнук. Так учила его любимая бабушка-аже, ханша Айганым.

Конечно же, Чокан еще до первого мушеля вместе с материнским молоком в усадьбе, построенной на средства царя-императора всея Руси и «Киргиз-Кайсакской орды», как писал Ломоносов в своей оде, посвященной Екатерине Великой, впитал и незабываемый аромат Степи, ее песни и кюи, эпос и фольклор родного народа. А как он своеобразно, с достоинством, но с долей присущей ему иронии относился к своей родословной, уходящей в древнейший век Чингисхана!

Благодаря им самим составленному шежире, многие историки сейчас устанавливают картины великого прошлого.

Всесторонняя одаренность Чокана включала в себя и артистизм, и даже неподражаемую способность к розыгрышам среди друзей его круга в петербургских салонах.

А бесстрашное путешествие в Кашгар, когда, пренебрегая смертельной опасностью, Чокан занимался делами ученого, пусть даже тайным образом выполняя миссию разведчика Генерального штаба царской армии. И в этом смысле его подвиг ничем не отличается от подвига Архимеда. И никакой он не лентяй, как утверждал Григорий Потанин. А наоборот, фанатично предан науке.

Он близко знал родственников Чокана, дружил с его внучатыми племянниками, юристом Турсыном и известным архитектором Шотой Валихановым.

Надо бы послать в Москву недавно заверченный очерк «Святое дело Чокана» в сборник «Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке». Надеюсь, что опубликуют, благо он сам член редколлегии этого авторитетного союзного издания.

Образы и характеры его современников... Все они естественно и гармонично вошли в книгу «Человек, родившийся на верблюде». Гений казахской словесности Мухтар Ауэзов, академик, доктор медицинских наук, профессор Ишанбай Каракулов, выдающийся ученый-химик Михаил Усанович, известный ученый-геолог Георгий Медоев... И опять же Каныш Имантаевич Сатпаев, боль и радость всей его жизни и судьбы.

VI

Он вдруг вспомнил, как его отец Арстан вблизи аула Алыпкаш взял у своего тамыра Ивана Лазуткина полмешка посевной пшеницы и впервые с помощью русского мужика-переселенца вспахал и засеял клин. Через год уже весь аул Алыпкаш сеял и питался «арстановским» хлебом.

Вот так и зерна науки надобно сеять, чтобы давали хорошие всходы.

Жезказган, Балхаш, Темиртау – говоря словами поэта, «не пустой для сердца звук!» И там, среди друзей и соратников, в кругу простых металлургов и горняков, чабанов и земледельцев, он находил эти невидимые глазу зерна научного и писательского созидания. И все было соразмерно гармонии души и алгебре разума.

Экология и тяжелая промышленность, казалось бы, взаимоисключающиеся принципы и понятия, благодаря поистине творческому подходу его единомышленников, приносили удивительные результаты на этой древней и вечно молодой земле, воспетой в кюях Курмангазы, в песнях Мади, в стихах Сакена и Касыма.

А если говорить сухим научным языком, то ему с коллегами удалось разработать и внедрить в производство печи шахтного типа с оригинальной конструкцией – с накладной газораспределительной решеткой. Легко выдуваемый в трубу порошкообразный медный концентрат не уходит в атмосферу, а превращается в окатыши, использованные в конверторах в качестве холодных присадок. Гранулы эти резко увеличили мощность агрегатов, дополнительно дав многие тонны меди, соответствующей мировому стандарту.

Таким же путем удалось извлекать из ядовитого дыма труб медеплавильных заводов серную кислоту, редкие металлы, включая один из самых редчайших – рений.

И это только одна сторона медали, а другая, не менее важная, – экология и охрана окружающей среды. А точнее – охрана окружающей природы, ибо «все меньше окружающей природы, все больше окружающей среды».

А природа – вот она, родная степь, родное озеро Балхаш и чудные места Каркаралы и Жезказгана.

А какие имена и названия местности сохранила для нас, неблагодарных потомков, память народа! Действительно, нет ничего достоверного и прекрасного, чем испытанное временем название места рождения и жизни человека!

«Отечественные или родину значащие имена» – так определял народную топонимику Михайло Ломоносов. Именно эта мысль проходит красной нитью в заметке «Имя дома твоего» старейшего карагандинского журналиста Сергея Никитина, недавно опубликованной в журнале «Простор». Он не раз беседовал с ним, постоянным его спутником по бескрайним просторам Центрального Казахстана. В своей книге «Сары-Арка – золотая планета» Сергей Никитин, верный патриот Караганды, посвятил ему, металлургу и писателю, целую главу. Он не раз рассказывал журналисту и писателю, с которым приходилось коротать время в пути и в пыльном уазике, и в ночном купе поезда до дальней и конечной станции, о этимологии казахских слов и названий рек, аула, перевала, той или иной возвышенности. Названия поистине самобытные и поэтические, имеющие характер, историю и плоть.

И об этом нельзя забывать, и это нельзя предавать забвению. Да, геологи и поэты, ученые и художники давно уже сошлись на том, что топонимика – неис-

черпаемый источник знаний и вдохновения. Незабвенный Каныш Имантаевич в своих путевых тетрадях записывал: «Мыншункур. Тысяча ям. Значит, здесь когда-то были древние выработки. Выяснить!» «Каратас. Черный камень. С этим цветом в народных сказаниях связаны железистые соединения». «Коктас. Синий камень. Можно предполагать – там существует медь». «Алтынтабакан напоминает о золоте. И часто не зря!» «Джезказган. Значит – место добычи меди. Точное название!» Так не только геологи находят в недрах богатства. Вспомним Генриха Шлимана, поверившего в историческую достоверность названий рек, морей и городов эпоса Гомера, прошел по следам «Илиады», благодаря чему нашел и раскопал Трою.

Он тогда во многом помог журналисту собрать ценнейший материал для книги очерков об этом легендарном крае. И книга стала своеобразной летописью Жезказгана, Балхаша, Темиртау, Караганды. И помогали в этом его верные друзья – знаток родной земли Сутемген Букуров, аксакал Актай Искаков, исходивший вдоль и поперек Сары-Арку, и народный акын Иманжан Жилкайдаров. От них и узнали, что всемирно известный Байконур – это богатый прохладным ветром. И действительно, в самые жаркие и знойные дни вдруг потянет прохладный ветерок. Для горячей степи – это истинное благо. Не знаю, откуда приходит туда прохлада, но факт остается фактом. И народ запомнил это и сохранил в своей многовековой памяти. Закрепил в имени земли. А теперь, благодаря космосдруму, это имя-название известно всему миру.

А легенда о черном волке, которого долго никто из казахов не мог выследить и убить. Матерый и злой черный арлан-касқыр не давался в руки охотникам, жил в глубоких подземных норах. Черный арлан-касқыр прятался в норы не где-нибудь, а именно в холмах у речушки Соқыр, что означает Слепая. С нравом этой речушки связано и название возвышенности Итжон, на ней и раскинулась каменноугольная Караганда. А Итжон означает «собачий хвост». Одним словом, хвост забоя при добыче каменного угля. Долго скрывался черный волк, а теперь его нашли и приручили.

В горах Улытау, где веками возвышается мазар Джучи-хана, есть легендарная река Терсаккан. В предании «Аксак-кулан – Джучи-хан» поется о Хромом диком жеребце, который убил копытом любимого сына хана Джучи. Разгневанный хан повелел истребить табуны куланов. На их пути в Улытау, где находилась ханская ставка, он приказал прорыть широкий канал Куланутпес, что означает «Не проскákat кулану». Есть и знаменитый кюй-плач «Аксак-кулан», исполняемый на кобызе. Все это, и в музыке, и в поэзии, есть художественное отражение реального былого, ибо в Тенгиз-Кургальджинской впадине сохранились и поныне следы Куланутпеса. И есть река Терсаккан – текущая вспять.

VII

Сейчас в ходу серость и чинопочитание, не сметь своего суждения иметь. Неужели всему виной система?.. А как же Маяковский? Ты же сам переводил его стихи, где он воспеваает этот строй, а значит и эту систему. Ты же сам декламировал «Стихи о советском паспорте» в собственном переводе, или забыл? Нет, не забыл. Ты же сам писал, и не раз, аналитические статьи о переводах на казахский язык произведений «Трибуна революции» и о гражданственности его

поэзии. Маяковский принял правила этой системы и сам себя обрек, наступив «на горло собственной песни».

Да, я не таю, что в юности всем сердцем принял этот строй, ибо родился и вырос при нем и благодарен ему за все то, что имею, что нашел себя в науке и в литературе. И убедился, что только через усердный труд можно достичь результата, выдавая на-гора за сутки две-три страницы текста, причем добротного, как коксующийся карагандинский уголь. И в эти часы и минуты я чувствую себя горняком, который спустился в подземные коридоры лабиринта. И если повезет, и у меня пойдет добротный пласт, а если попаду в песчаник – тогда прощай и проза и поэзия жизни.

Вот и попал в песчаник. Вынудили меня снять свою кандидатуру на пост президента Академии наук, а затем комиссия за комиссией довели до ухода с поста ректора университета. Одним словом – «усреднили». Они бы рады лишить меня и звания академика, да нет таких директивных, а вернее, нравственных полномочий. Даже того, что сидит сейчас в Горьком, не посмели лишить академического звания, хотя лишили звезд Героя Соцтруда...

Ну, предположим, отчасти некорректно сравнивать себя с академиком-диссидентом.

Я просто не пришелся к республиканскому партийному двору, и спасибо им, партийным центурионам, что дали лабораторию химии угля, где и родилась шальная мысль – заняться превращением низкоэнергетических углей Шубаркольского и Майкубенского месторождений Сары-Арки в широкий ассортимент жидкого топлива – в бензин и дизельную смесь. И это все можно в недалеком будущем применять при заправке авиационных двигателей.

Только вот печаль-досада. Быть в опале и просить какого-то заведующего по хозяйственной части из Снаб. науки, чтобы он выделил для нужд лаборатории хотя бы один насос высокого давления во имя будущих бензиновых рек из угольного бассейна. Одно дело, быть в ранге ректора и построить за несколько месяцев общежития и жилой дом для преподавателей, а здесь какой-то насос у какого-то завхоза.

И ведь все сделает, чтобы не дать этот самый пресловутый насос. Как-никак, установка сверху.

Да-а, о времена, о нравы!

Вот для чего мне нужны были эти звания и регалии, а не для того, чтобы сидеть, подбоченясь, в президиумах и за дастарханом.

Дорогие мои коллеги по науке и собратья по перу! Вы хоть в этом помогите бедному академику. Где вы, инженеры человеческих душ? Ау?!

Молчат, как в дальнем ауле в канун джута. Где же ты, уважаемый писатель-академик, ведь когда-то восторгался моими статьями, рецензиями и переводами. Молчишь и давно ничего не пишешь. Ни новых произведений, ни писем мне, да и не в поддержку, а просто так для душевной беседы, как когда-то в моей алмаатинской квартире, помните, мы проговорили всю ночь – о ваших книгах, о науке и литературе.

Один только Олжас приехал навестить, как всегда, никого и ничего не испугавшись. Всю ночь с ним проговорили по душам...

А где молодые? У меня в учениках, слава Всевышнему, свыше десяти докторов наук и не один десяток кандидатов. Все молчат. И не поймешь – то ли молчание знак согласия, то ли «молчанье – это тоже голос». Однако золото, да не то. Боятся

высказаться, и я их понимаю и не держу обиду. Что-то стал бурчать по-старчески. Рано еще стареть. Хотя, когда уходил, когда последний раз закрыл дверь своего ректорского кабинета, сам запретил писать письма в защиту, ибо понимал, что это все бесполезно и чревато для авторов таких писем.

Только и произнес на прощание – не забывайте меня...

Нет ничего страшнее одиночества в жизни.

VIII

Однажды из Москвы приехал его младший брат по профессии и литературному поприщу поэт Какимбек Салыков. Он когда-то начинал свой путь горным инженером в Жезказгане, а затем пошел вверх по партийной линии. Они долго сидели в его уютном кабинете, Какимбек читал свои новые стихи, по интонации которых чувствовалось, что он тоскует по родному Казахстану, находясь в белокаменной, работая в отделе ЦК КПСС. Затем вышли погулять перед сном. И преданный пес весело семенял вместе с ними. В тот поздний вечер он рассказал поэту Какимбеку о том, как нашел этого пса еще щенком, как выхаживал его все это время. Какимбек внимательно взглянул на пса, который то выбегал вперед, то возвращался к ним, и вдруг задумчиво произнес:

– Вспомни Абая:

Собаку я выкормил из щенка –
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка –
И сам мишенью стал!⁴

– Это одно из самых загадочных четверостиший поэта, – ответил он тогда Какимбеку. Хотя, почему загадочных? Вроде бы все ясно и понятно. Правда, зубы этой дворняги я на себе испытывать не собираюсь. Да и более преданного, чем Дос, мне во всей округе не найти. И искать не собираюсь. А то, что многие мои ученики предают меня, при встрече отворачиваются или переходят на противоположную сторону, это я по поводу двух других строк четверостишия, то Всевышний им судья и, как говорится, ученая этика.

Именно в тот период он и был снят по неизвестным причинам с должности ректора университета. И поэт Какимбек приехал, чтобы поддержать его в трудный час.

Вначале появился фельетон в молодежной газете, где на все лады склоняли название его книги «Человек, родившийся на верблюде». Фельетон, полный желчи и злобы, и самое главное – не по существу. А где герою этого очерка родиться, если герой его очерка, академик Ишанбай, действительно родился на верблюде при откочевке аула на жайляу. А затем без каких-либо оснований и причин отлучили от главного детища всей его жизни – университета. И оставили заведовать лабораторией химико-металлургического института Академии наук. Ну что ж, и на том спасибо, что он находится отчасти в подчинении своих же учеников. Он хотел было пойти на прием к первому секретарю ЦК Компартии Казахстана, такому же в прошлом ученому-металлургу, работавшему еще в довоенные годы

⁴ Перевод А. Жовтиса.

и на Балхаше, и в Усть-Каменогорске, и затем Президентом Академии наук. Он всегда был с ним в ровных, даже в дружеских отношениях. Что за шайтан пробежал между ними?! Начальство, сославшись на занятость, его не приняло, а может быть, как бывает в таких случаях, окружение высокого начальства, засучив рукава, сделало все возможное и невозможное, чтобы он не был принят. В тот самый приезд в Алма-Ату он смог побывать только у отраслевого секретаря, курирующего тяжелую индустрию. Только в нем он нашел определенную поддержку и понимание проблем его, уже не университета, но лаборатории, ибо сам секретарь начинал металлургом в Темиртау, был близко знаком с насущными проблемами металлургической отрасли и обещал помочь в тяжелый период его судьбы...

Это же надо, фельетонист сравнивает его с самим Климом Самгиным, видите ли, он в своих «Записках научного работника» выделяет «скособоченную общественно-политическую картину». Да-а, и автор фельетона носит почти лесную фамилию – Рошин. Видимо, не зря я всю жизнь сторонился рощицы и леса, особенно смешанного, где сам не знаешь, что тебя ждет. Степной простор люблю, степной, там все ясно видно и слышно на шақыру⁵. А здесь?!

IX

А не бросить ли все это?

Вызвать «Туе моина» и как когда-то в молодости уехать с ним в какой-нибудь далекий аул. И слушать вечерами мудрые речи стариков-аксакалов. А то и он зашелся в своем инязе. Видите ли, преподает русский язык и литературу почти четверть века.

Махнуть бы куда-нибудь, как в далекой молодости, на сенокос вместе с милейшим моим родственником Жактаем-ага и косить, с плеча косить, со всего замаха, чтобы пот шел градом, чтобы как у зажиревших лошадей делают эту самую выстойку-танасу, чтобы снять жирок и подтянулся живот. Чтобы запах скошенного сена с каплями росы переполнял душу и смешивался по утрам с запахом сырой земли, родной земли моих предков.

Так что все вроде бы образуется, согласно образу мыслей и ритму сердца. А вот оно как раз и шалит.

«Боль возникла в правом плече. Затем она поползла к груди и застряла где-то под левым соском. Потом будто чья-то мозолистая рука проникла в грудь, схватила сердце и стала выжимать его, словно виноградную гроздь. Выжимала медленно, старательно: раз-два, два-три, три-четыре... Наконец не осталось ни кровинки, та же рука равнодушно отшвырнула его. Сердце остановилось. Нет, сперва оно упало вниз, как падает налетевший на оконное стекло воробушек, забилось, затрепетало, а потом уже затихло. Но остановившееся сердце – это еще не смерть, это широко раскрытые от непомерного ужаса глаза и мучительное ожидание: забьется вновь или нет проклятое сердце?!»

Это начало романа Нодара Думбадзе «Закон вечности». Видимо, небесам было угодно, что именно после первого инфаркта он прочел этот роман в больничной палате. И даже, следуя академическому педантизму, записал в дневник некоторые его фрагменты, а начало романа просто запомнил, сопрягаясь с возрожденным биением своего израненного сердца.

⁵ Зов, голос.

Как запомнил и крылатую мысль романа «Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить душу друг другу: вы – мою, я – другого, другой – третьего, и так далее до бесконечности. Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни».

Вот и помогли благородные грузинские писатели получить батоно Нодару перенесшему инфаркт, Ленинскую премию. А в списке претендентов перед заключительным туром была и трилогия Ильяс Есенберлина «Кочевники». И эта трилогия сыграла свою историческую роль для целого поколения казахского общества, и в первую очередь в росте национального самосознания.

И не менее благородные казахские писатели также писали в Москву, чтобы ни в коем случае не дали Ильяс-летописцу самой главной премии страны. После чего бедный Илеке слег с инфарктом. А не так давно, несколько месяцев назад покинул этот грешный мир.

«О казахи мои, мой бедный народ!»

Об этом ему поведал в Москве один из членов Комитета по присуждению премий. И заметил, что оба произведения, и грузинского, и казахского классиков, были достойны этой премии, и могли бы получить оба, но помешали письма из Казахстана.

Он горько усмехнулся и тяжело вздохнул:

– Когда будем достойны своего народа, зиялы хаум!

Он потрепал поникшее ухо присмирившего пса и, тяжело вздохнув, поднялся, вновь ведя собаку на длинном поводке. На остановках уже стали появляться рабочие и служащие этого индустриального города, который почти четверть века был для него близким и родным.

X

В начале пятидесятых, когда он был еще молодым ученым, и затем, уже в академической среде, не раз слышал об одной легендарной личности, ученом, которого можно было назвать шаманом языкознания и востоковедения. Имя ему – Николай Яковлевич Марр. Сын шотландца и грузинки. Он достиг небывалых ученых почестей еще в двадцатые годы, обладал гениальной научной интуицией. Он яро утверждал, что индоевропейской семьи языков вообще не существует, ибо вначале был не один праязык, а множество языков, и все они после мировой революции неизбежно сольются в мировой язык. А происхождение всех языков сводится к изначальным выкрикам типа «Бер! Ион! Рош!» На такие звуковые первоэлементы можно разложить любое слово любого языка...

Ну, конечно же, суть не в его во многом псевдонаучном подходе, не в «афетизме» этого Вольфа Мессинга от науки. Да и что, собственно, выявляет ту или иную теорию ученого? С одной стороны, талант и напряженный труд, но с другой, и некая непосредственность, наполненная божественной интуицией. И многие ученые считали себя последователями и преемниками этой школы Марра. И среди них академики, лингвисты, востоковеды Мещанинов, Орбели, Фрейденберг, Алексеев... И многие сохранили искреннюю благодарность своему учителю за его и «донкихотство» в науке. Сохранили, несмотря на то что в

«Правде» в июне 1950 года появилась статья «главного языковеда» Сталина, где ставился жирный крест на научной теории Марра. А многие предали своего демона языкознания, хотя он, сам того не ведая, положил начало и структурной лингвистике, а в эпоху телетехнологий, когда языку уже тесно в звуковых рамках, это влечет за собой и визуальные элементы. И это все отчасти уже знаковая система. Хотя было это все и в далекой древности, еще до заклинательных шаманских выкриков. Наш древний пращур победил в себе весь ужас тела, когда выбил на скальное творение, петроглиф, тем самым свой заклинательный клич и выкрик запечатлел в камне, посредством сознания и мысли обессмертил на века и образ, и первую свою метафору... И не только это. Пращур, выбивая картины жизни, возвеличивал и деяния вождя своего рода-племени. Так и рождаются через века и тысячелетия наукообразные мифы и легенды, несущие в себе и идеологию далекого прошлого.

А интересно, кто из учеников и последователей предаст его, человека, родившегося на верблюде? Или останется верен своему учителю. Ведь так было издревле, и все повторяется не только в виде фарса. Степная земля полна таких примеров. «Степная земля бесконечна – как время». Кто сказал? Казтуган, еще в XV веке. А народ сохранил эту мысль жырау на века...

Внезапно подул резкий ветер, и вновь пошел снег. Он кружил крупными хлопьями в бездонном пространстве и падал на деревья, где черными комьями, насупившись, восседало воронье, изредка взлетая, без привычного карканья в безмолвной снежной тишине.

Он почувствовал, что Дос, слегка завывая, в своем беспокойстве тянет его в сторону дома, но незримая тяжесть навалилась на плечи, и он вновь присел на скамью, глубоко вдыхая на ветру весь в снежинках утренний воздух.

XI

В последнее время он находил утешение в стихах Шакарима, творчество которого, несмотря на гражданскую реабилитацию в 1958 году, все еще было под идеологическим запретом. Однажды к нему в ректорат пришел один пожилой человек, и когда секретарша назвала его фамилию, он сразу же принял его, человека тяжелой и непростой судьбы. Многие в писательских кругах обвиняли этого человека в гибели поэта и философа Шакарима. И вот он пришел к нему, как бы на исповедь. Четыре долгих вечера он слушал эту исповедь, с его разрешения записывая на магнитофон. «Я не убивал Шакарима!» – исповедально звучало из уст этого пришельца.

Он сказал, что время все расставит по своим местам, и поблагодарил за все то, что мучило его многие годы и выплеснулось в многочасовую исповедь. Он никому не поведал об этой встрече и спрятал эти магнитофонные кассеты глубоко в сейф.

Стихи Шакарима, несмотря на запрет, писателю и исследователю казахского фольклора Мухтару Магауину удалось включить в поэтическую серию «Поэты Казахстана», которая вышла в Ленинграде в 1978 году. И переводили его известные московские поэты Всеволод Рождественский и Владимир Цыбин.

А недавно он рекомендовал одного молодого поэта и переводчика в члены Союза писателей, кстати, инженера-металлурга по первому образованию.

Познакомился с ним несколько лет тому назад в салоне сверхзвукового лайнера ТУ-144, который в течение года, до катастрофы в Ля-Бурже, совершал полеты «Алма-Ата – Москва». Его тогда, в полете, отчасти тронули рассуждения молодого человека об обратимости часового времени, конкретного и декретного. Сидя в соседнем кресле, молодой поэт размышлял и о теории относительности Эйнштейна, приводя в пример и настоящий полет, когда сверхзвуковой лайнер, взлетев в десять утра по Алма-Ате, прилетает в девять того же утра, но по Москве, учитывая время полета в два часа и часовые пояса в три часа. То есть, говоря языком поэтов, прилетаем на час раньше вылета. Как говаривал Альберт Эйнштейн: «Все относительно, господа!»

Все это, конечно же, шутки ради, но стихи этого молодого поэта, его переводы Абая и Шакарима, после дальнейшего знакомства, тронули его сердце и запали в душу.

А переводы из Шакарима, особенно «Толстосумы», актуальны и для нашего непростого времени.

По-видимому, тяга к мышлению образами взяла верх над техническим образованием этого парня.

В казахских семьях есть понятие «бата» – благословение перед дальней дорогой или в канун жизненного поворота судьбы. И его бата-рекомендация в том, что при должном трудолюбии и неумении переоценивать себя этого молодого поэта ожидает большое литературное будущее...

А вообще-то прав этот парень, утверждавший тогда, в лайнере, что в творческом пространстве писателя существуют декартовы координаты – эти самые икс, игрек, зет; где от причины зависит следствие, или, говоря языком математиков, от переменной точки икс зависят и творческие игрек и зет. «Мыслю, следовательно, существую». Декарт сам, с точки зрения философии, объяснил свои координаты, где свет нашей памяти перемежается с печалью нашего беспомыслия. И в своих литературных произведениях мы действительно вспоминаем, как писал Рей Брэдбери: «Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память человечества, поэтому мы в конце концов непременно победим!»

«Что есть время? – вопрошал Федор Достоевский. – Время не существует, время есть цифры, время есть отношение бытия к небытию».

Противоречия Декарта, всю жизнь доказывавшего существование вездомного разума, не помешали, а может быть, наоборот помогли ему выявить свои начала философии, высказать закон сохранения количества движения, создать эту самую пространственную систему координат, которой пользуются и ныне.

Разумеется, от причины творчества писателя зависят сюжет, интрига, повествовательное действие, одним словом – следствие. А причина влечет за собою и наши диалоги мышления. Одни воспоминания сменяются другими, обрастая потоком информации не только о прошлом и настоящем, но и воспоминаниями будущего.

Все это сродни переводу стрелок часов на летнее или зимнее время, в результате чего появляется как бы мертвый час нашего бытия. Но не так уж он мертв, этот час. С наступлением осени, когда символические стрелки часов отведут назад, нам всем дается возможность прожить его повторно, вспоминая и исправляя ошибки судьбы, и частично воплощая, хотя бы в мыслях, невоплощенные мечты. И писатель в этой системе координат нашего бытия был и остается часовщиком.

которому дано полное право образно передвигать эти самые стрелки нашего хронометра, ибо, по сути дела, время, календарь есть покушение на свободу личности, на свободу творчества, так как эта условность времени, суток, месяцев календаря сковывает, навязывает нам свои законы существования, свои правила реального мира. Но только в виртуальном мире – в произведении – у автора может быть осень, когда на улице весна, день – когда за окном ночь, степь и аул на двадцатом этаже небоскреба; ибо во всем этом есть и четвертое измерение четвертая координата. Это душа и талант писателя.

В поисках нашего утраченного времени мы посредством души направляем поток сознания в океан памяти, обретая тем самым бессмертие...

XII

Мысли путались... Когда они наконец добрались до дома, завьюжило, что было характерно для первой половины декабря. Вдоль дорог неслась подгоняемая ветром поземка. Снег усилился и уже нескончаемо кружил хлопьями между домами, заматавая проходы и кустарники.

Но он уже плохо все это представлял. Белая пелена вьющегося снега смешивалась с его гаснущим сознанием, с черной бездной сквозь острую и не уходящую боль слева в груди. Он мертвующей хваткой сжимал в кулаке поводок и грузно повалился вблизи подъезда своего дома. Его верный пес всей своей взъерошенной шерстью стряхивал налипающий снег и метался из стороны в сторону, судорожно чую, что происходит что-то непоправимое с его хозяином, который хрипел, задыхаясь, погружая себя в круговорот мелькающих хлопьев снега...

И сердце не воробышком, а жаворонком – караторгаем, израненным беркутом вырвалось из цепких костлявых рук и парило высоко в небе, над этой поземкой и метелью, и не находило, как в великой песне Акана, места для упокоя – ни на этой земле, ни на небесах, замирая и обрывая свое биенье на высокой, щемящей ноте напева – «Бишара!».

Разъяренный пес, скаля клыки и горя красными от безумия глазами, не подпускал к умирающему хозяину врачей «скорой помощи», которые в бессилии стояли с носилками у холодного подъезда.

2015 г.

